

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ОПРАВДАНИЕ

ОРФОГРАФИЯ

Опера в трех действиях

ОСТРОМОВ,
или Ученик чародея

«О-трилогия» — «Оправдание», «Орфография», «Остромов» — романы, написанные в общей сложности за десятилетие. Они о том, почему советский проект победил и почему он был обречен. Это взгляд на русскую революцию человека, который жил в девяностые годы XX века и хорошо знает, какие тайные трещины погубили советскую империю. Это реакция на вечную борьбу двух сил, в которой всегда побеждает третья. Это способ рассказать, в чем величие и трагедия русской культуры. А в конечном итоге это мучительная попытка человека нашего времени объяснить, почему все так бесславно заканчивается.

Дмитрий Быков

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ОРФОГРАФИЯ

Опера в трех действиях

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Художник — *Владимир Мачинский*

Быков, Дмитрий Львович.

Б65 Орфография. Опера в трех действиях : [роман] / Дмитрий Быков. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 682, [6] с. — (Быков.Всё).

ISBN 978-5-17-122132-4

В романе «Орфография» Дмитрий Быков рисует картину послереволюционного Петрограда. Голод, холод, книги жгут в печах, никто пока не понимает, что принесет новое время, но уже исключили букву «ять», а вместе с ней — русскую грамотность. Страх и поиск истины, честь и предательство, особенный юмор, особенная любовь «бездны на краю». В этих декорациях живут герои захватывающего авантюрного повествования.

«Орфография» — второй роман «О-трилогии».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122132-4

© Быков Д.Л.
© ООО «Издательство АСТ»

Льву Мочалову

И началась опера в трех действиях.

ИСААК БАБЕЛЬ

Предисловие

Принадлежность «Орфографии» к жанру оперы предполагает ряд особенностей: вставные номера, дивертисменты, длинные арии, театральные совпадения, условности и пр. Классические оперы давно изданы на компакт-дисках в облегченном виде — увертюра, пять-шесть лучших арий, кульминация, финал. К сожалению, у автора нет возможности издать свою прозаическую оперу в двух вариантах, — к тому же ему видится в этом априорное неуважение к читателю. Поэтому, стараясь сделать сочинение удобным для широкой аудитории, он выделил курсивом места, которые можно пропускать без большого ущерба для фабулы, а полужирным шрифтом — те, которые сам он относит к «хитовым».

На естественный вопрос, почему бы всю оперу не сделать хитовой, а заодно не убрать заранее фрагменты, выделенные курсивом, — автор вправе отметить, что, во-первых, ни одна опера не может состоять из концертных номеров, а во-вторых, без курсивных отрывков сочинение лишилось бы смысла. Даже тот, кто почувствует скуку при первом знакомстве с ними, впоследствии сможет вернуться к этим главам и перечитать их в свободное время, уже зная, чем все закончилось.

Для читателя, которому интересна описываемая эпоха, «Орфография» не представляет никаких затруднений, а потому он попросту проигнорирует игры со шрифтами, прочитав книгу от начала и до конца, как она написана. Нелепо было бы сочинять роман о самом избы-

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Орфография

точном и условном в человеческой жизни, освобождая этот роман от всего избыточного и условного — в котором автор и протагонист только и видят Божественное присутствие.

Дмитрий Быков,
Москва, май 2002 года

Пролог

Реформа русской орфографии 1917—1918 годов проходила в три этапа. Наметилась она почти сразу после петровской (1709) переделки алфавита и вызывалась соображениями, какими с начала времен руководствуются все упростиатели. Прежде всего из алфавита следовало изъять буквы, у которых не осталось звукового аналога: после того как Петр бестрепетно выкинул из азбуки омегу и пси (введя «я» и «э»), на очереди двести лет стояли ер и ять.

Ять до XIV века (когда в летописях стали встречаться первые ошибки по его употреблению) обозначал нечто среднее между «е» и «и», но фонетической роли давно лишился. Без ера в своих писаниях уже в начале XIX века обходились многие вольнодумцы. Перечисляя в «Бесах» темы русского спора при начале очередной оттепели, Достоевский упоминает «уничтожение цензуры и буквы ѣ, замещение русских букв латинскими, вчерашнюю ссылку такого-то, какой-то скандал в Пассаже, полезность раздробления России по народностям с вольною федеративною связью, уничтожение армии и флота, восстановление Польши по Днепр, крестьянскую реформу, уничтожение наследства, семейства, детей и священников, права женщины...». Легко видеть, что из этого перечня со временем осуществилось почти все, кроме уничтожения детей, хотя и в этом направлении предпринимались определенные усилия. Алданов в «Истоках», опираясь на цитированный фрагмент, заставляет Достоевского предсказыва-

вать, что отменяет букву «ять» — и все пойдет к черту. Ситуация осложнялась отсутствием смысловых правил к употреблению ятя.

Подготовительный этап реформы начался в 1899 году, когда собралась Первая орфографическая комиссия при Московском университете. Вторая комиссия функционировала в 1901 году, тоже при университете, но уже Казанском; почти одновременно с ней возникла третья, при Новороссийском. Предложения комиссий широко обсуждались учеными и учителями (главным аргументом в пользу реформы правописания была именно трудность и кажущаяся бессмысленность усвоения русской орфографии, ее недоступность простонародью, низкая успеваемость гимназистов). В 1904 году подкомиссией Академии наук под председательством Ф. Фортунатова было разработано «Предварительное сообщение» о готовящейся реформе.

Академию наук тогда возглавлял либеральный великий князь Константин Романов, более известный как слабый поэт и драматург К.Р. Он лично стал во главе комиссии по реформе правописания, которую собрал впервые в достопамятный день 12 апреля (ст. ст.). На следующий день собралась подкомиссия, сформированная для разработки конкретных предложений по реформе. Ее центром были А. Шахматов и Ф. Фортунатов — крупнейшие специалисты по истории русского языка. Как всякие историки, они обращали внимание прежде всего на тенденцию: письменная речь во всем мире год от года теснее смыкается с устной, лишние буквы и тяжеловесные обороты отпадают, а торжествует здоровая простота.

Предложения были радикальны. Первое: никакого ятя. Второе: долой ер, причем не только после согласной в конце слова, но и после приставки, где вполне можно обходиться мягким знаком («въехал», «съел»). Третье: в словах типа «рожь», «мышь», «точь-в-точь» — а равно и в инфинитивах «лечь», «мочь», «влечь» — мягкий знак давно не нужен: «ч» и «щ» и так всегда мягкие, а что мышь женского рода — знает, слава богу, вся мыслящая Россия. Безударные окончания прилагательных в родительном падеже единственного числа («-аго», «-яго») должны приблизиться к ударным: рослОго, лишнЕго. Унифицируются окончания прилагательных во множественном числе (прежде, согласно правилам, в женском роде писалось «-ия», «-ья»: веселья ежихи, но веселые ежи). Наконец, при-

ставка «без» перед глухой согласной должна писаться как слышится («беспользньй», «беспользньй»). И конечно, везде, где после шипящих под ударением слышится «о», следует так и писать: шопот жолтого чорта.

Авторы реформы были поражены силой сопротивления, с которым столкнулась подкомиссия после публикации своих предложений; заметим, что в нее входили авторитетнейшие люди — в частности, Бодуэн де Куртенэ и несколько представителей духовенства. Первым резко высказался Алексей Суворин, издатель и редактор «Нового времени». Следом некий Гиляров-Платонов оперативно написал целую брошюру, в которой перегнул палку уже в другую сторону: он так испугался новшеств, что предложил восстановить оба юса — большой и малый, — исчезнувшие еще в XV веке. Свое предложение он мотивировал тем, что юсы делают русский язык более усвояемым для поляков и белорусов. Поляков и белорусов никто не спросил. Громче всех против реформы возражал обер-прокурор Синода Победоносцев. Неожиданно подключился враг условностей Толстой: десятки русских газет перепечатали интервью, в котором он неубедительно, но горячо излагал аргументы против нового правописания. Главный заключался в том, что он привык читать быстро, ухватывая взглядом все слово, а тут меняется этого слова портрет, его знак. Он сам понимал, что аргумент слабый: привыкнуть недолго. Во время беседы с корреспондентом подошел его сын Сергей, добавивший собственные, тоже не слишком рациональные соображения, — Толстой обрадованно поддержал: «Да, прекрасно!»

Комиссия, смущенная размахом противодействия, отступила. Ей напомнили, что в том же 1904 году министр внутренних дел Сипягин издал специальный циркуляр, в котором запрещал издание книг без еров, приравняв их к революционной пропаганде. Как знать: если бы Министерство внутренних дел в 1904 году уделяло меньше внимания орфографии, избрав иные приоритеты, — судьба русского правописания впоследствии могла быть иной.

В 1910-е годы Шахматова занимали сугубо научные проблемы, Фортунатов умер перед Первой мировой войной, — но реформа правописания, уйдя с повестки дня, оставалась мечтой гимназистов и приобрела в их сознании неизбежную революционную окраску. В ка-

нун революции, 10 февраля 1917 года, когда в столице собрался Первый Всероссийский съезд учителей русского языка, первым обсуждавшимся вопросом оказалась, естественно, орфография. Многие гимназисты вспоминают, что учителя в это время перед ними заискивали. Съезд единогласно проголосовал за реформу, но ввиду бурных событий конца февраля, когда по всему городу впервые за двести лет его существования выстроились хлебные очереди, реализация ее снова отодвинулась на неопределенное время.

Второй этап реформы русской орфографии начался 23 декабря 1917 года. Декрет за подписью Луначарского отменял «лишние» буквы (ять, фиту, ижицу, и десятеричное), оставляя за ером только разделительные функции — видимо, по причине актуальности любых разделений. Луначарского и в большевистской верхушке всерьез воспринимали немногие, так что все газеты, кроме большевистских, продолжали печататься по-старому. «Никто даже ухом не повел», — обиженно вспоминал наркомпрос. После этого он пришел к выводу (не такому уж абсурдному), что половинчатые меры в эпоху столь масштабных преобразований перестали восприниматься массовым сознанием. 5 января 1918 года появился декрет Совнаркома, упразднивший орфографию как таковую по причине ее дискриминационной сущности. Отмена правил правописания и пунктуации воспринималась не только народом, но даже радикальной частью интеллигенции как уничтожение барьеров, искусственно воздвигнутых на пути «низового элемента» к просвещению. Отстаивание правописания представлялось радикалам «попыткой протащить угнетение под видом правил» («Правда», 9 января 1918). Яростная дискуссия по этому формальному, казалось бы, поводу, особенно трогательная в голодном и осажденном городе, привела к образованию 12 января 1918 года Елагинской коммуны — одного из самых причудливых явлений русской жизни даже на фоне тогдашней экзотики.

История Елагинской коммуны изучена слабо: после событий в ночь на 15 мая 1918 года о ней предпочитали не вспоминать как сторонники, так и противники. Советская историография вовсе обходила ее стороной, эмигрантские круги мало что знали, а поскольку из самой этой группы почти никто не уцелел, достоверных источников не осталось. Краткое и половинчатое мемуарное свидетельство

Пролог

в белградском сборнике 1927 года «Катакомбы», вышедшем в количестве трехсот экземпляров, да неопубликованная переписка историка Льва Покровского с Марией Ашихарумовой — все, чем мы располагаем. Архивные разыскания позволили присоединить к скудному списку лишь несколько мемуарных очерков и косвенных упоминаний — подневольных, как бы сквозь зубы. Отголоски елагинской истории можно найти в романе «серापона» Всеволода Иванова «Кремль», написанном в начале тридцатых, но опубликованном только в 1990 году. Важные штрихи к смутной картине добавляет неоконченный фантастический роман беллетриста Ростислава Грэма «Желтый город», сохранившийся в его гурзуфском архиве.

15 мая 1918 года распоряжением ЦИК «Об упорядочении» начался третий этап реформы русской орфографии, совпавший с первой волной террора и призванный обслужить ее на идеологическом уровне. Такой период неизбежен в развитии любой революции, начинающей с отмены всех условностей и заканчивающей воцарением одной, самой иезуитской и нелепой, а потому наиболее соответствующей образу абсолютной власти. Этот период закончился в октябре, когда после принудительного изъятия из типографий всех еров, ятей, фит и ижиц русская орфография приобрела нынешний вид. Отдельные попытки ее реформирования в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов захлебнулись на стадии печатного обсуждения; хочется верить, что захлебнутся и нынешние.

Автор благодарит Вадима Эрлихмана (Москва), Льва Мочалова (Санкт-Петербург) и Андрея Давыдова (Гурзуф) за неоценимую помощь в работе над книгой, которую посвящает памяти беллетриста Грэма (Кремнева). Именно Грэм должен был написать этот роман — и непременно закончил бы его, если бы не умер от истощения в оккупированной Ялте 26 января 1942 года.